

ПУТЬ ВЕДЬМЫ

ПЕЧАТЬ СУМЕРЕЧНОГО САДА

Елена Давыдова

Елена Давыдова

**Путь ведьмы. Печать
Сумеречного Сада**

«Автор»

2026

Давыдова Е.

Путь ведьмы. Печать Сумеречного Сада / Е. Давыдова —
«Автор», 2026

В мире, где магия живет в каждом листке и капле росы, травница Элоиза получает таинственное наследство, меняющее ее судьбу. Дар видеть скрытую силу природы и общаться с духами ведет ее по пути испытаний и открытий. В поисках ответов Элоиза учится доверять своему сердцу; находить друзей там, где их меньше всего ждешь; и принимать решения, от которых зависит судьба целого мира. Ее дар может стать ключом к восстановлению равновесия или привести к новой катастрофе. Это история о силе веры, цене выбора и магии, что живет в каждом из нас, ожидая момента пробуждения.

© Давыдова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1.	6
Глава 2.	10
Глава 3.	17
Глава 4.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Давыдова

Путь ведьмы. Печать Сумеречного Сада

Глава

В мире, где магия живет в каждом листке и капле росы, травница Элоиза получает таинственное наследство, меняющее ее судьбу. Дар видеть скрытую силу природы и общаться с духами ведет ее по пути испытаний и открытий.

Когда древние артефакты начинают пробуждаться, а магические силы выходят из равновесия, Элоиза понимает: ей предстоит раскрыть тайну «Сумеречного сада». Но путь к цели полон загадок: почему пробуждаются древние силы? И какую роль в этом играет наследие могущественной ведьмы Софены?

В поисках ответов Элоиза учится доверять своему сердцу; находить друзей там, где их меньше всего ждешь; и принимать решения, от которых зависит судьба целого мира. Ее дар может стать ключом к восстановлению равновесия или привести к новой катастрофе.

Это история о силе веры, цене выбора и магии, что живет в каждом из нас, ожидая момента пробуждения.

Глава 1.

Фиолетовый диск луны разливался по водам ручья, окутывая плакучие ивы в сумеречные оттенки. В воздухе пахло лавандой и свежескошенной травой. В деревне Ивовый Ручей сгущались сумерки, превращая обыденность в царство теней. Элоиза еще не спала.

Она стояла у распахнутого окна своей лавки, перебирая сушеные травы. Связки источали знакомые, родные запахи: зверобой, бодрый и огненный; мята, прохладная и живая; тысячелистник, стойкий и мудрый. Каждый шелест листьев будил детские воспоминания.

Мать учила ее языку трав — шептать наговоры над настоями, видеть духов, обитающих в тени деревьев. Отец, странствующий сказитель, вдохновенно рассказывал о магии, которая пульсирует в реках и шепчет свои вечные тайны в дремучих лесах Веридии.

В памяти Элоизы всплыл теплый летний день, окутавший Ивовый Ручей золотистым светом. Она словно заново ощутила тепло солнца на плечах и услышала стрекотание кузнечиков в высокой траве.

Травница, тогда еще девочка лет десяти, сидела на пеньке возле дома, сосредоточенно перебирая пучки трав. Рядом, на расстеленной льняной ткани, лежали зверобой, мята, тысячелистник и ромашка.

Ее мать, Мириана, присела рядом, мягко поправила выбившуюся прядь волос дочери и улыбнулась:

— Готова услышать, что говорит зверобой?

Дочка подняла глаза, робко закивала:

— Он... говорит? — прошептала она. — Но он же просто трава!

Мать рассмеялась, поднесла веточку к носу дочери:

— Вдохни. Что чувствуешь?

Девочка вдохнула — глаза удивленно распахнулись:

— Силой! Как гром перед дождем... но без страха.

— Верно, — подтвердила Мириана. — Зверобой — это защитник. Он отпугивает злых духов, укрепляет волю и помогает тем, кто потерял веру в себя. А теперь закрой глаза и представь, что ты шепчешь ему слова благодарности. Попроси его поделиться силой с тем, кому она нужна.

Элоиза нерешительно сомкнула веки, сжала веточку в ладонях и тихо, почти неслышно, прошептала:

— Спасибо, зверобой. Поделись своей силой с бабушкой Веледой — у нее снова болит спина после дождя...

Мириана положила руку на плечо дочери:

— Хорошо, Лои. Теперь положи его в мешочек с другими травами. И запомни: каждое растение — живое. У него есть имя, голос и душа. Они отвечают тем, кто умеет слушать.

Элоиза осторожно уложила зверобой в холщовый мешочек, потом подняла глаза на мать:

— А... а духи? Ты говорила, они живут в тени деревьев. Я их увижу когда-нибудь?

Мириана посмотрела вдаль, туда, где древние дубы древнего леса покачивали ветвями на ветру:

— Они видят тебя, моя дорогая. Всегда. Но показываются лишь тем, кто не боится тишины и умеет ждать. Хочешь попробовать?

Девочка сглотнула, в груди затрепетало волнение пополам со страхом:

— Да... но вдруг я сделаю что-то не так? Вдруг они рассердятся?

Мать ласково погладила ее по голове:

— Духи не сердятся на тех, кто приходит с чистым сердцем. Пойдем. Возьми с собой немного мяты — она успокаивает и помогает настроиться на шепот леса.

Они встали и направились к опушке. Дочка крепко сжимала в руке листик мяты. А сердце ее билось часто-часто — то ли от страха, то ли от восторга перед чем-то неведомым, что вот-вот должно было открыться ей.

Мириана остановилась у старого дуба, положила ладонь на шершавый ствол и тихо произнесла:

— Добрый дух этого места, мы пришли с уважением и благодарностью. Позволь моей дочери услышать твой голос.

Юная травница замерла, затаила дыхание. Сначала она слышала только шелест листьев и пение птиц. Но потом... где-то внутри, словно эхо, прозвучало что-то похожее на мягкий смех. Или это просто ветер прошелестел по ветвям?

Она подняла глаза на мать — та улыбалась, кивая, как бы говоря: «Ты все сделала правильно».

В груди у девчушки разливалась теплая радость. Впервые она ощутила — не умом, а всем сердцем, — что мир вокруг дышал в такт ее дыханию, отзываясь на каждое движение души. И это было самое удивительное открытие в ее жизни.

Деревня спала, укутанная в тишину и туман. Лои вышла на крыльцо. В воздухе витал аромат лаванды и свежескошенной травы. Вдоль берегов ручья склонялись ивы, их ветви шептали что-то воде. Она вдохнула глубже — в тени деревьев всегда было прохладно. Корни, оплетая берега, создавали причудливые арки и гроты.

По краям деревни раскинулись луга с дикими цветами: фиолетовыми колокольчиками, золотистыми лютиками, голубыми незабудками и белыми ромашками. За лугами темнел древний лес. Элоиза знала: там, среди дубов, живут духи, которых она пока не могла увидеть. Сердце екнуло — вдруг однажды она все-таки их услышит?

В густом подлеске прятались заросли малины и ежевики. А на опушках росли целебные травы, которые местные жители собирали для настоев и отваров. Воздух здесь был чистым и свежим, с легким травяным ароматом. По утрам долину окутывал легкий туман, который к полудню рассеивался под лучами солнца.

Люди здесь жили дружно. Они помогали друг другу, делились урожаем, устраивали праздники в дни солнцестояний. Вечерами собирались у костра. Дети бегали босиком по траве, собирали цветы; взрослые пели песни и слушали рассказы старших.

Среди них — дом Лои. Небольшой, уютный. Крыльцо увито диким виноградом, у входа — клумба лаванды. Рядом — лавка травницы. За ставнями видны связки трав и склянки с настоями.

Чуть выше по склону — Общинный дом, самое крупное строение в деревне. Широкая веранда выходит на главную тропу — деревенскую «улицу». По обе стороны теснятся дома жителей.

Рядом — дом почтенной жительницы. Крепкий, основательный. Из палисадника доносится аромат трав. Чуть поодаль виднелась Школа — светлое здание с просторными окнами. В летние дни воздух наполнялся беззаботным детским смехом, когда они носились в догонялках. А зимой этот знакомый пологий склон превращался в любимую горку для веселых саночных спусков.

На окраине, у поворота ручья, дымила кузница. Дым смешивался с кронами ив, а на веревке сушились подковы — будто маленькие магические обереги.

За кузницей, на возвышенности, открывался вид на долину. Там выстроились дома пастухов и земледельцев. Их крыши из дранки темнели от времени, а дворы были заполнены хозяйственными постройками: сараями, клетями, загонами для птицы.

На окраине, у опушки древнего леса, стояла пекарня. Каждое утро по долине разносился аромат свежего хлеба, маня жителей на завтрак.

Стоя на крыльце, она полной грудью вдыхала прохладный воздух с травяным ароматом. Подняла взгляд к небу. Фиолетовая луна очерчивала контуры четырех королевств Веридии — словно четыре грани единого кристалла.

На востоке раскинулось Королевство Солнечных Лоз со столицей Солар. Земля плодородных долин и виноградников, где магия света почиталась как дар богов.

На западе простиралось Королевство Сумеречных Лесов с сердцем в Морнхолде. Край сумрачных лесов и туманных гор, где ценилась магия теней и древних духов. В центре находилось Королевство Равновесия с величественной Веридикой. Место, где сосуществовали разные школы магии, а законы защищали и людей, и чародеев.

На севере лежало Королевство Ветреных Костей. Земля кочевников, веривших, что ветер — священная стихия — несет голоса предков.

Два столетия назад Великая магическая война оставила шрамы на земле и в душах людей. Маги, опьяненные силой, едва не уничтожили мир. Тогда мудрецы поняли: чтобы уберечь мир от нового безумия, нужны не стены из камня, а преграды из магии. Так появились барьеры — осколки артефакта в каждом Королевстве.

Элоиза вздохнула, поправила шаль — та снова сползла, будто сама жизнь пыталась растрепать ее аккуратный облик. В зеркале она увидела себя — но другую: вьющиеся светлорусые волосы, выбившиеся из-под шали, придавали лицу непривычную мягкость. Ярко-зеленые глаза — глубокие, пронизательные, но с едва заметной искрой тревоги. Травница попыталась улыбнуться — и улыбка вышла такой, какой была всегда: скромной, чуть застенчивой. Будто страшилась явить себя во всей полноте, занять место, что полагалось ей по праву. Будто опасалась, что яркость — это не дар, а вызов.

За внешней сдержанностью таились бурные идеи и затаенные амбиции. Она умела зачаровать травы, сложить заклинание из слов, вдохнуть жизнь в глину. В ее сознании роились образы новых зелий. Пальцы помнили сотни древних рецептов — от простых отваров до сложных эликсиров, способных пробудить дремлющие силы природы.

Сколько раз она ловила себя на этом — искала одобрения в чужих глазах?

«Ценность нашего труда — пыль на ветру чужих суждений», — эхом звучали слова учителей Гильдии. Привычка, словно упрямый плющ, все еще сковывала ее.

Ведьма с душой изобретателя: идеи вспыхивали в ее сознании, подобно мотылькам у пламени, а руки помнили сотни древних рецептов. Но стоило ей поделиться замыслом или показать результат труда, как взгляд невольно искал отклик в глазах собеседника. Скромная улыбка едва скрывала тревогу: достаточно ли хорошо? Одобрят ли?

Ее скромность вступала в противоречие с пробуждающейся магией, которая требовала выхода. Путь к истинной силе лежал через освобождение от зависимости от чужого мнения и обретение целостности. В ней переплелись сила и неуверенность, словно отражая мир, где волшебство таилось в обыденности. Эта скрытая сила не бросалась в глаза — она дремала внутри, ожидая своего часа, подобно семени, что ждет весеннего тепла, чтобы прорасти.

Магия Элоизы была тихой — без громких заклинаний и ослепительных вспышек. Она исцеляла недуги, умиротворяла разбушевавшихся духов и учила детей отличать ядовитые травы от целебных. Но где-то в глубине души женщина чувствовала, как пробуждается нечто большее. Руки сами вспоминали забытые формулы, а интуиция подсказывала неожиданные сочетания трав и минералов. Сила жаждала проявиться, но страх не оправдать возложенных надежд сковывал ее, будто невидимые цепи.

Травница поправила шаль, скользнула взглядом по знакомому пейзажу: ивы склоняли ветви к ручью, их тени танцевали в лунном свете. Где-то вдали вновь ухнула сова — будто подавая знак.

Она глубоко вдохнула прохладный воздух, наполненный ароматами ночи. В этот миг что-то внутри нее сдвинулось, словно камень, преграждавший путь горной реке. Впервые за долгое время она позволила себе ощутить эту силу не как бремя, а как дар.

«Хватит прятаться, — прошептала она, обращаясь то ли к себе, то ли к луне. — Я есть. И моя магия тоже есть».

Лунное сияние окутывало деревню, подчеркивая каждую деталь: мерцание воды в ручье, узор теней на тропе, мерцание светлячков в траве. Все вокруг дышало магией — не громкой и показной, а глубокой, древней, вплетенной в саму ткань мира.

И именно здесь, под светом фиолетовой луны, начинался ее путь — путь не к власти или славе, а к гармонии с собой и миром. Путь, на котором она научится доверять своему дару, слушать шепот трав и голос собственного сердца.

Элоиза улыбнулась — на этот раз по-настоящему, без страха занять больше места, чем «позволено». Улыбка вышла теплой, уверенной, словно отражение лунного света в спокойной воде. Она повернулась и направилась к дому, чувствуя, как с каждым шагом становится легче — будто сбросила невидимый груз, копившийся годами.

В лавке ее ждали связки трав, склянки с настоями и раскрытая книга с полустертыми записями. Завтра она начнет записывать свои собственные рецепты — не просто повторять за учителями, а создавать что-то новое. Завтра... но уже сегодня она знала: перемены начались.

Фиолетовая луна все так же освещала деревню, ивы склонялись над ручьем, а где-то в глубине древнего леса откликнулся тихий шепот духов — впервые за долгие годы они услышали голос, готовый их понять.

И именно здесь, под светом фиолетовой луны, начинался ее путь.

Глава 2.

Однажды утром в дверь постучал почтальон. Это был старый Йорген, который разносил почту в Ивовом Ручье еще до рождения Элоизы. Его плащ промок насквозь — видимо, он шел издалека, минуя не только деревню, но и дальние хутора. Лицо почтальона было изборождено морщинами, а глаза, обычно уставшие, сейчас смотрели на Элоизу с каким-то странным пониманием.

— Для вас, — хрипло произнес он, протягивая конверт. — «Корни и Руны» — Он понизил голос, будто боялся, что стены могут услышать. — Давно не видел их печати. Говорят, они не просто передают наследство... Они выбирают тех, кто готов его принять.

«Уважаемая Элоиза, — гласило письмо. — Сообщаем вам, что ваша двоюродная бабушка, известная в узких кругах как Софена, оставила вам в наследство все движимое и недвижимое имущество, включая особые предметы магического свойства. Просим вас прибыть в поместье „Сумеречный Сад“, расположенное в трех часах пути к северо-западу от города Вель Тарин, для вступления в права наследования».

Женщина замерла, сжимая в руках конверт.

— Вы знаете что-то о Софене? — спросила она.

Йорген покачал головой, но в уголках его губ мелькнула тень улыбки.

— Я много чего знаю, девочка. Но некоторые тайны лучше не тревожить раньше времени. Удачи вам. — Он поклонился и повернулся, чтобы уйти, но на мгновение задержался. — И... будьте осторожны с тем, что найдете. Не все наследство приносит радость.

С этими словами он зашагал прочь, оставляя после себя лишь следы на мокрой земле и странное ощущение, будто он знал гораздо больше, чем сказал.

Элоиза стояла, сжимая письмо в руках. В груди смешались удивление, тревога и робкое любопытство. О двоюродной бабушке Софене она знала немного. Говорили, что та была могущественной ведьмой, хранительницей древних знаний, и что она давно ушла из города Вель Тарин, поселившись где-то в глуши у подножия Хребта Ветреных Зубцов.

Вершины этого хребта, по легендам, пели на рассвете и закате, напоминая миру о гармонии. Местные верили, что в ветрах, гуляющих между скал, звучат голоса давно ушедших магов, а в ущельях до сих пор таятся следы забытых ритуалов.

Они никогда не встречались — Софена не поддерживала связей с родней, и наследница даже не была уверена, знает ли бабушка о ее существовании. Но теперь, судя по всему, знала. И выбрала именно ее.

Пальцы дрожали, пока она перечитывала письмо.

«Поместье „Сумеречный сад“», — мысленно повторила Элоиза. Название звучало одновременно маняще и тревожно. Что ждало ее там? Какие тайны хранились в доме могущественной ведьмы? И главное — что за «особые предметы магического свойства» достались ей в наследство?

Она подошла к окну лавки и посмотрела вдаль, туда, где на горизонте темнели очертания Хребта Ветреных Зубцов. Вершины гор действительно казались почти живыми — в лучах заката они отливали лиловым, будто впитывали последние лучи солнца.

В памяти всплыли слова матери: «Некоторые наследства — это не просто дома и вещи. Это вызовы. Испытания, которые помогают нам раскрыть то, что уже живет внутри нас».

Она глубоко вздохнула. Впервые в жизни она ощутила, как внутри нее что-то шевельнулось — не страх, а предвкушение. Возможно, это был шанс не просто получить дом и сокровища, а узнать больше о себе, о своем даре, о корнях, уходящих вглубь веков.

Элоиза снова взглянула на письмо, аккуратно сложила его и положила на полку рядом с пучком сушеной мяты. Пора собираться. Путь до поместья неблизкий, а ей нужно многое обдумать и подготовить.

Женщина оглядела свою лавку — знакомое пространство, где каждый предмет был на своем месте. Здесь прошло ее детство, здесь она училась языку трав у матери. Теперь же предстояло оставить все это ради неизвестного наследства могущественной ведьмы.

Родители умерли, когда она была еще подростком. С тех пор девушка цеплялась за привычную жизнь, как за спасательный круг. Лавка, ручки, ивы — все это было якорем, удерживавшим ее от погружения в боль утраты.

Но письмо о наследстве всколыхнуло давно похороненные вопросы: а что, если она способна на большее? Что, если магия, которую она так боялась, — это не проклятие, а дар, унаследованный от кого-то из предков?

Элоиза прикрыла глаза, вслушиваясь в шепот трав. Затем резко выпрямилась. Она вспомнила уроки отца: карты, маршруты, древние легенды о магических барьерах. Он всегда говорил, что знание географии — это умение видеть невидимое.

Женщина направилась к стене, сорвала старую карту Веридии и свернула ее в тугой свиток. Пора было использовать все, что она знала. Нужно было идти вперед — вооруженной не только травами, но и мудростью родителей.

Элоиза подошла к сундуку у стены, откинула крышку и начала собирать свой скромный багаж. Сушеные травы и настои она упаковала в холщовые мешочки и разложила по отделениям сумки. Следом аккуратно сложила два простых льняных платья, теплую шерстяную накидку на случай холодных ночей в горах и прочные кожаные ботинки с толстой подошвой. Также она подготовила гребень из оленьего рога, подаренный матерью, маленький медальон с портретом родителей, блокнот для записей и угольный карандаш.

Пока она укладывала вещи, пальцы невольно замерли на гребне. Перед глазами всплыла картина: мать сидит на крыльце, расчесывает ее детские косички и шепчет:

— Помни, доченька, сила трав — в их памяти. Они помнят все: дождь и солнце, радость и горе. И передают эту память тому, кто умеет слушать.

Травница моргнула, отгоняя образ из прошлого, и продолжила сборы. Не забыла и провизию: сушеные яблоки и груши, лепешки, вяленое мясо, мешочек с крупой и чайными листьями.

Элоиза обошла деревню, чтобы попрощаться с соседями.

Бабушка Веледа, которой юная травница когда-то помогла со спиной, вышла на крыльцо, опираясь на клюку. В руках она держала узелок с пирогами, завернутый в вышитое полотенце. То самое, которое когда-то было подарком ее матери.

— На дорогу, милая, — ее голос дрожал, но глаза оставались ясными. — Пироги с яблоками, как ты любила в детстве. А еще вот... — Она достала маленький мешочек из грубой ткани. — Горсть земли с твоего двора. Если станет тоскливо, рассыпь ее перед собой — и дом будет рядом.

Женщина почувствовала, как к горлу подступил комок.

— Бабушка Веледа...

— И помни, — старушка сжала ее руку морщинистыми пальцами, — если что — возвращайся. Мы всегда будем рады тебя видеть. Ты часть этой земли, дитя. Не забывай своих корней.

У дома кузнеца ее встретил сам мастер Грим. Он стоял у наковальни, в руках еще дымился только что откованный клинок. Увидев женщину, кузнец отложил работу, вытер руки о кожаный фартук — на ткани остались темные следы копоти.

— Слышал, ты отправляешься в дальние края, травница, — его голос звучал грубовато, но глаза, обычно суровые, смотрели с непривычной теплотой. — Возьми вот. — Он протянул небольшой кинжал в простых ножнах. — Я ковал его для сына... — Грим запнулся, сглотнул.

— Но он выбрал море. Уплыл три года назад и не вернулся. Пусть этот клинок служит тебе верой и правдой. Береги себя, девочка.

Элоиза взяла оружие, ощутив его вес — не просто сталь, а частицу чужой судьбы.

— Спасибо, мастер Грим, — тихо сказала она. — Я буду беречь его. И себя.

Каждое прощание отзывалось в глубине души теплом и легкой грустью. Она благодарила соседей, обещала писать и клялась вернуться, как только разберется с наследством.

Вечером травница зажгла все свечи в лавке. Аромат лаванды и мяты наполнил комнату. Она села у окна, глядя, как сумерки окутывают Ивовый Ручей.

«Что ждет меня там, у подножия Хребта Ветреных Зубцов? — думала она. — Дом, полный тайн? Знания, передающиеся из поколения в поколение? Или испытание, которое поможет мне наконец поверить в себя?»

Завтра на рассвете она отправится в путь. Путь к наследию, которое может изменить ее жизнь навсегда. Элоиза на мгновение сомкнула веки, вслушиваясь в шепот трав, висящих под потолком. Они словно шептали ей: «Иди. Твой час настал». Она поднялась, задула свечи и легла спать. Завтра начнется неизведанный путь — и она была готова к нему. По крайней мере, она очень надеялась, что готова.

Но одно было ясно уже сейчас: ее жизнь вот-вот изменится. И, возможно, именно этот подарок станет тем самым толчком, который поможет ей преодолеть давнюю неуверенность и наконец довериться собственной силе.

Мир ждал не покорности, а смелости — ее смелости сделать шаг навстречу судьбе.

— Пора, — прошептала Лои. — Пора перестать искать одобрения и начать слушать себя.

Рассвет только тронул небо розовым, когда Элоиза вышла за околицу Ивового Ручья. Путь до поместья «Сумеречный Сад» обещал быть долгим. Первая часть дороги лежала через знакомые леса и луга к тракту, ведущему на северо-запад, к столице.

Первые часы шли легко. Тропа вилась среди берез и рябин, утренняя роса блестела на траве, а воздух был напоен ароматами лета. Элоиза замедляла шаг, вслушиваясь в пение птиц и шелест листьев. Каждый куст, каждый камень здесь были знакомы с детства — но с каждым километром пейзаж менялся. Лес становился гуще, тропа уже не была такой натоптанной.

К полудню женщина сделала привал у ручья. Она разложила на платке лепешку и сушеные яблоки, рядом поставила флягу с водой. Вспоминая слова матери о языке трав, она невольно улыбнулась, заметив кустик зверобоя.

«Друзья найдутся, если смотреть не только вперед, но и по сторонам», — звучал в памяти голос Мирианы.

Элоиза уже собиралась продолжить путь, когда услышала шаги — не осторожное шуршание зверя, а твердую поступь человека. Из-за деревьев вышел мужчина. Это был Орин, охотник.

Он выглядел так, словно сам стал частью леса: плащ в пятнах грязи, сапоги изношены, на щеке — свежий порез, уже подживающий, но все еще красный. В руках он держал тушку зайца, за плечом висел лук, а на поясе — нож в потрепанных ножнах. Его волосы, темно-русые с проседью, были собраны в хвост, а взгляд — усталый, но цепкий, изучающий.

— Добрый день, — хриловато произнес он, останавливаясь в нескольких шагах. — Не пугайся, я не разбойник. Просто возвращаюсь в Веридику после долгой охоты.

Элоиза невольно улыбнулась — его вид вызывал скорее сочувствие, чем страх.

— Я тоже иду в ту сторону, — ответила она. — Вернее, к Хребту Ветреных Зубцов.

Орин приподнял бровь:

— К Хребту? Далековато. И небезопасно в одиночку. Особенно для такой... — он замялся, подбирая слово, — для той, кто не привык к долгим переходам.

— Я травница, — пояснила Элоиза. — Иду по делу в поместье «Сумеречный Сад».

Охотник присвистнул:

— Софены? Слышал о ней. Говорят, ведьма была что надо. Ну что ж... попутчики — это удача. Особенно если один умеет стрелять, а другой — лечить.

Элоиза окинула взглядом его потрепанный вид, задержала взгляд на порезе:

— Вижу, вам не помешает помощь. У меня есть мазь из тысячелистника и зверобоя — заживляет быстро.

— Было бы кстати, — одобрительно качнул головой Орин. — Да и вообще... Я могу охранять нас по ночам, добывать дичь, показывать тропы. А вы... лечите, если что, да и просто... — он замялся, — веселее будет в дороге.

Она рассмеялась — впервые за долгое время искренне и легко:

— Договорились. Вы — охрана и пропитание, я — целительство и компания.

— И разговоры, — добавил Орин, раскладывая зайца рядом с ее припасами. — Я знаю сотню охотничьих баек, да и про местные места могу рассказать.

— А я — про травы и духов леса, — подхватила Элоиза, доставая из сумки баночку с мазью. — Садитесь, давайте обработаю рану.

Орин послушно сел на камень, слегка поморщившись — видимо, давали о себе знать усталость и старые ушибы.

Она аккуратно нанесла мазь на порез.

— Вот так. Через пару дней следа не останется.

— Магия? — усмехнулся охотник.

— Просто знание, — улыбнулась она. — Травы хранят память мира, и тот, кто умеет слушать, слышит их шепот. И делится этим с теми, кто готов услышать.

— Звучит почти как охотничья мудрость, — согласился Орин. — Мы тоже учимся слушать лес. Он говорит — если знать, как слушать.

Они помолчали, глядя, как солнечный луч пробивается сквозь кроны.

— Значит, идем вместе? — уточнил мужчина.

— Да, — уверенно сказала Элоиза. — Вместе — безопаснее и веселее.

— Тогда давайте перекусим, — охотник ловко освежевал зайца. — А после двинемся дальше. До темноты надо успеть к старой мельнице — там можно переночевать.

Элоиза кивнула, чувствуя, как тревога, сковывавшая грудь с утра, понемногу отступает. Теперь она была не одна. И дорога, казавшаяся пугающей, вдруг стала чуть более понятной — и даже манящей.

Элоиза собирала сухие ветки для костра, пока Орин разводил огонь. Вскоре над пламенем уже висел котелок с водой, в который она бросила горсть сушеных трав — мяты и чабреца. Аромат смешался с запахом жареного мяса.

— У вас настоящий дар к этому, — заметил мужчина, наблюдая, как травница помещивает варево. — Не просто готовить, а вкладывать что-то... большее.

— Мать учила меня, — улыбнулась она. — Говорила, что любое блюдо, любое снадобье должно нести частицу души того, кто его готовит. Иначе оно не принесет пользы.

— Мудрые слова, — утвердительно мотнул головой охотник. — В охоте тоже так: если идешь за добычей с жадностью, зверь тебя почувствует и ускользнет. А если с уважением — сам выйдет навстречу.

Они разделили трапезу, запивая мясо отваром, пахнущим лесом и травами. Элоиза заметила, что Орин старается не показывать, но все еще морщится, когда двигает плечом.

— Давайте я посмотрю ваше плечо, — предложила она. — Кажется, там еще одна рана, которую я не обработала.

— Да пустяки, — отмахнулся он.

— Царапины имеют свойство воспаляться, — мягко, но твердо настояла Лои. — Позвольте мне помочь.

Охотник вздохнул и закатал рукав. Под тканью обнаружился глубокий порез, уже начавший краснеть по краям.

— Видите? — она покачала головой. — Это не пустяк. Дайте-ка...

Женщина достала баночку с мазью, аккуратно нанесла ее на рану и перевязала чистым лоскутом ткани, который оторвала от подола своей нижней рубашки.

— Спасибо, — тихо сказал Орин. — Вы и правда искусная травница.

— Просто внимательная, — улыбнулась она. — Так что, в путь?

Тропа сужалась. Деревья смыкались над головой, образуя зеленый свод. Орин шел впереди, легко ориентируясь в лесу. Время от времени он показывал Элоизе приметы: сломанную ветку, камешек особой формы, пучок травы, растущий под определенным углом.

— Так я отмечаю путь, — пояснил он. — Если придется возвращаться, не заблужусь.

— А вы часто бываете в этих местах? — поинтересовалась травница.

— Почти всю жизнь, — пожал плечами Орин. — Родился в деревушке у подножия Хребта Ветреных Зубцов. Отец был охотником, дед — тоже. Меня с детства учили читать следы, понимать язык леса.

— И что он говорит сейчас? — с улыбкой спросила она.

— Говорит, что погода скоро изменится, — серьезно ответил Орин, глядя на небо. — Видите, облака идут низко и быстро? К вечеру может начаться дождь. Хорошо, что до мельницы недалеко.

Элоиза подняла глаза. Действительно, светлое утреннее небо затянулось серой пеленой.

— А почему вы ушли из родной деревни? — осторожно спросила она.

Орин помолчал, потом вздохнул:

— Семья... — он провел рукой по волосам. — Отец хотел, чтобы я женился на дочери старосты, укрепил союз двух родов. А я... я любил другую. Она была травницей, как вы, только из соседнего селения. Староста не одобрил — и начались ссоры. В конце концов я решил, что лучше уйти и жить своим умом, чем ломать судьбу себе и ей.

— И что с ней стало? — тихо спросила она.

— Осталась там, — продолжил Орин после паузы. — Вышла замуж, родила двоих детей. Счастлива, говорят. — Он улыбнулся, но улыбка вышла грустной. — Я рад за нее. А я вот так и остался бродячим охотником. Зато свободен.

Элоиза помолчала, обдумывая его слова. В них было что-то знакомое — отзвук ее собственных решений, ее собственного пути.

— Знаете, — сказала она, — свобода — это тоже дар. Не каждый может ее принять.

— Вы говорите почти как ваша бабушка, — усмехнулся Орин. — Софена, кажется?

— Возможно, — улыбнулась Элоиза. — Я ее никогда не видела, но, похоже, у нас с ней есть что-то общее. Я тоже не вышла замуж, хотя сватались многие.

Она помолчала, глядя на игру теней на лесной тропе, и продолжила:

— Они хотели покорную, молчаливую жену — хозяйку и мать, идеальную хранительницу домашнего очага. Чтобы сидела дома, растила детей, не задавала вопросов и не совалась в «мужские» дела. А я... — она слегка повела плечом, словно сбрасывая невидимую тяжесть, — я не могла так. Не хотела прятать свои знания о травах, отказываться от прогулок по лесу в поисках редких растений, от вечеров, когда нужно слушать шепот духов, а не сплетни соседок.

— Понимаю, — тихо сказал Орин, кивая. — В деревне всегда ждут, что ты будешь таким, каким тебя хотят видеть.

— Мои увлечения их пугали, — тихо добавила Элоиза. — Кому нужна жена, которая вместо того, чтобы вышивать салфетки, изучает древние рецепты настоев? Или которая может

посреди ужина вскочить и побежать в лес, потому что почувствовала: где-то рядом страдает раненый зверь, которому нужна помощь?

Охотник внимательно слушал, не перебивая.

— Один из них прямо сказал: «Женщина, видите ли, должна знать свое место», — Элоиза невесело усмехнулась. — А мое место не у котла и прядки, а там, где ветер шепчет тайны, корни трав помнят древние заклинания, сама земля говорит со мной. Я не хотела отказываться от этого — от части себя.

Она подняла взгляд на мужчину:

— Они искали идеальную жену, а я не могла стать этой идеальной куклой. Я хотела расти, учиться, помогать людям своими знаниями о травах и магии. Хотела не просто существовать в тени мужа, а идти своим путем — даже если это означало остаться одной.

Орин качнул головой, и в его глазах она увидела искреннее понимание.

— Теперь ясно, почему Софена выбрала вас, — произнес он негромко. — Вы обе — не из тех, кто готов задушить в себе искру ради чужого комфорта. В вас есть стержень. Это редкость. И сила.

Элоиза мягко улыбнулась — на этот раз шире, свободнее, словно сбросила с плеч ношу давних упреков и разочарований.

— Спасибо, что выслушали, — сказала она. — И что поняли.

Орин подмигнул:

— А как иначе? Я тоже когда-то выбрал свободу вместо навязанного брака. Похоже, мы с вами, госпожа травница, родственные души — два бродяги, которые предпочли лес и дорогу тихой гавани с якорем на дне.

Оба рассмеялись, и этот смех, свободный от масок и страхов, растворился в шорохе листьев и пении птиц, напоминая, что иногда самый верный путь — тот, который ведет к верности самому себе.

К вечеру, как и предсказывал Орин, начался дождь. Крупные капли застучали по листьям, когда путники увидели впереди очертания старой мельницы. Крылья давно не вращались, крыша местами провалилась, но стены стояли крепко.

— Здесь можно укрыться, — сказал охотник. — Я бывал тут раньше. Внутри даже печь сохранилась — сможем согреться и обсушиться.

Он быстро разжег огонь, пока Элоиза развешивала у огня промокшие плащи. Вскоре в помещении стало тепло, а от костра пошел приятный запах сосновых дров.

— Завтра будет новый день, — сказал Орин, протягивая руки к пламени. — И новый отрезок пути. До столицы осталось меньше половины дороги.

— Спасибо вам, — искренне сказала Элоиза. — За то, что пошли со мной. За разговоры. За защиту.

— Это вам спасибо, — улыбнулся Орин. — Без вас я бы до сих пор ковылял с воспаленной раной и скучал в одиночестве.

— А без вас я бы заблудилась в лесу или попала в беду, — ответила она. — Вы так легко читаете следы...

— Лес и травы говорят на одном языке — для тех, кто умеет слушать, — пожал плечами охотник. — Мой дед говорил: «Каждый куст — книга, каждый камень — страница». Он был травником, как вы. Учил меня различать растения, понимать, когда их собирать и как применять.

Элоиза удивленно подняла брови:

— Травником?

— Да, — Орин подбросил веток в огонь. — В нашей семье это передавалось по мужской линии. Но отец считал, что охота важнее. «Травы — для женщин», — говорил он. Я не спорил

вслух, но... — он достал из сумки небольшой кожаный мешочек, развязал его. Внутри лежали аккуратно сложенные листья и цветы. — ...но я все равно собирал. Для себя. Для души.

Он достал один лист, протянул Элоизе:

— Видишь жилки? Они образуют узор, похожий на карту ветров. Моя бабушка говорила, что по ним можно предсказать погоду на три дня вперед.

Элоиза внимательно рассмотрела лист.

— Никогда такого не видела.

— Потому что нужно знать, куда смотреть, — усмехнулся попутчик. — Как и в охоте. Следы и травы — это язык.

Он помолчал, глядя на пламя.

— Отец так и не принял этого. Говорил, что я «разбрасываюсь талантами». А я просто хотел быть целым. Не половиной охотника и половиной травника, а всем сразу.

На губах Элоизы мелькнула улыбка:

— Значит, мы оба пошли против ожиданий.

— Похоже на то, — рассмеялся Орин. — Может, поэтому нам так легко друг с другом.

Они поужинали остатками припасов, запивая их горячим отваром из трав Элоизы. Капли дождя отбивали ритм по крыше, огонь трещал в печи, а в воздухе витало ощущение зарождающейся дружбы — той, что крепче многих родственных связей.

Элоиза завернулась в плащ, глядя на пляшущие языки пламени. Впервые за долгое время она почувствовала спокойствие. Путь к наследству Софены только начинался, но теперь она шла не одна — и это меняло все.

Глава 3.

Ночь опустилась на лес быстро, как это бывает в горах. Дождь, начавшийся днем, утих, но воздух остался влажным и тяжелым. В старой мельнице потрескивал огонь в печи, отбрасывая пляшущие тени на закопченные стены. Орин уже крепко спал, укрывшись плащом, а Элоиза сидела у огня, помешивая в котелке остатки травяного отвара.

Она почувствовала это раньше, чем услышала: легкий, едва уловимый стон, донесшийся из темноты за дверь. Женщина замерла, прислушиваясь. Стон повторился — слабый, жалобный, полный боли.

— Орин, — тихо позвала она, осторожно тряся охотника за плечо. — Проснитесь. Кто-то нуждается в помощи.

Охотник мгновенно очнулся, схватился за нож:

— Где?

— За дверь. Послушайте...

Они одновременно уловили новый стон — на этот раз ближе.

Женщина бросилась к двери, распахнула ее. На пороге, привалившись к косяку, стоял юноша лет семнадцати. Одежда изодрана, лицо в грязи и царапинах, правая нога искривлена. При виде света он вздрогнул и попытался отползти, но боль заставила его застонать и обмякнуть.

— Тише, тише, — Элоиза опустилась рядом с ним на колени. — Мы не причиним вреда.

Юноша поднял глаза — они были светло-кариими, с золотистыми крапинками, как у лесного зверя. В них читался не только страх, но и упрямое нежелание сдаваться.

— Лиам, — прошептал он. — Меня зовут Лиам.

— Давай-ка внутрь, — мужчина подхватил парня под мышки, бережно поднял и перенес к огню.

Травница осмотрела ногу — перелом был закрытый, но серьезный. Она покачала головой:

— Без лечения до утра не дотерпит. Орин, помоги его уложить поудобнее.

Пока охотник устраивал Лиам на охапке сена у печи, Элоиза быстро собрала нужные травы: зверобой — для обезболивания, тысячелистник — чтобы остановить возможное воспаление, ромашку — для успокоения нервов, кору ивы — природное средство против боли.

Она приготовила отвар, напоила им юношу, а затем, бормоча наговор, которому учила ее мать, наложила шину из двух прямых веток и лоскутов ткани.

— Будет больно, — предупредила она. — Но скоро станет легче.

Лиам стиснул зубы, когда она фиксировала ногу, но уже через несколько минут его лицо разгладилось — отвар начал действовать.

Орин подкинул дров в печь:

— Отдыхай, парень. До утра тут в безопасности. А завтра решим, как тебя доставить домой.

Лиам благодарно качнул головой и почти сразу уснул — усталость и действие трав сделали свое дело.

Элоиза села у огня, глядя на спящего юношу. Она улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается в груди — не только от огня, но и от осознания, что поступила правильно. Встала, поправила одеяло на Лиаме, а затем подвесила над огнем котелок с новым отваром — на утро, для восстановления сил.

Внимательно взгляделась в его черты. Юноше на вид было лет семнадцать — не больше. Худощавый, с тонкими чертами лица и веснушками, рассыпавшимися по носу и щекам. Темно-русые волосы, влажные от пота, прилипли ко лбу, а под глазами залегли темные круги от уста-

лости и боли. Одежда — простая холщовая рубаха и кожаные штаны — была изодрана в клочья, особенно на коленях и локтях.

Орин, наблюдавший за ней, тихо спросил:

— Как он?

— Перелом чистый, без осколков, — ответила Лои, поправляя шину на ноге. — К утру боль утихнет. Но сейчас ему нужен покой.

В этот момент Лиам зашевелился, приоткрыл глаза и сфокусировал взгляд на Элоизе.

— Вы... вы спасли меня, — прошептал он.

— Лежите спокойно, — мягко остановила его женщина. — Расскажите, что случилось.

Как ты оказался здесь, так далеко от тропы?

Юноша глубоко вздохнул, и его голос зазвучал чуть увереннее:

— Я из деревушки Вербное, что между столицей и Ивовым Ручьем. Вез мед в Веридику... Отец — пасечник. Самый душистый во всей округе, — в его голосе прозвучала гордость, несмотря на боль. — Но на повороте у Черного ручья... — он вздрогнул, — ...появилось оно.

— Что — «оно»? — насторожился Орин.

Лиам сглотнул, пытаясь унять волнение, его зрачки расширились от воспоминаний:

— Чудовище. Не то зверь, не то дух. Ростом с медведя, но стройнее, гибче. Тело покрыто темно-серой шерстью с серебристыми прожилками, будто туман на рассвете. Лапы длинные, с когтями — каждый с мой палец. А глаза... — он задрожал, — ...желтые, как у кошки, но огромные, и в них будто пламя горит. Но самое страшное... — Лиам запнулся. — Оно смотрело на меня. Не как зверь, а как... как человек, который разочаровался во всем.

Мужчина помрачнел:

— Никогда не слышал о таком в этих краях.

— Я тоже, — подтвердил Лиам. — Но оно было. Лошадь заржала, встала на дыбы, повозка опрокинулась, колесо сломалось. Я успел выпрыгнуть, а лошадь... оно схватило ее за холку и утащило в лес. Я полз, пока мог, потом потерял дорогу...

Элоиза внимательно слушала, поглаживая пальцами мешочек с травами.

— Вы уверены, что это не просто крупный волк или медведь? — уточнила она. — В сумерках легко ошибиться.

— Уверен, — твердо ответил Лиам. — Оно стояло на задних лапах, передние же напоминали руки. И когда оно рыкнуло — звук был не звериный, а будто кто-то смеется и рычит одновременно. От этого звука по спине пробежал холодок..

Орин почесал подбородок:

— Если такое чудовище бродит у дороги, это опасно. Завтра утром осмотрим место происшествия. Может, следы подскажут, что это за тварь.

— А пока, — Элоиза подлила в котелок воды и бросила щепотку трав, — выпейте еще отвара. Он поможет уснуть без кошмаров.

Лиам послушно принял чашку, сделал глоток и благодарно склонил голову:

— Спасибо вам. Вы не представляете, как я испугался. Думал, что никто не найдет меня, что я останусь там, в темноте...

Он глубоко вздохнул, и голос его зазвучал увереннее:

— Отец будет волноваться... Он никогда не отпускал меня одного так далеко. Это первый раз, когда я вез мед на продажу. Хотел доказать, что уже взрослый.

Орин хмыкнул:

— И как, доказал?

Лиам по-детски покраснел:

— Ну... не совсем. Но я хотя бы не бросил повозку. Пока мог, тащил ее за собой. А потом... потом просто полз.

Элоиза мягко улыбнулась:

— Ты проявил смелость. Не каждый смог бы так.

Юноша смущенно опустил глаза:

— Просто... отец всегда говорит: «Пасечник должен быть сильным. Мед — это не просто сладость, это дар леса, и тот, кто его несет, отвечает за этот дар». Я не хотел подвести его.

— Теперь вы в безопасности, — улыбнулась Элоиза. — А завтра мы поможем тебе добраться до дома или до Веридики — как решишь.

Охотник встал, подкинул дров в печь:

— Ложитесь спать, оба. Я подежурю первым. Если это существо рядом, лучше знать об этом заранее.

— Но вы же устали с дороги... — начала попутчица.

— Зато я привык к ночным вахтам, — усмехнулся охотник. — А вы нам нужны бодрой и свежей. Кто еще будет лечить и колдовать над отварами?

Элоиза едва заметно улыбнулась и устроилась у стены, подложив под голову сумку. Лиам уже почти спал, его дыхание стало ровным и глубоким. Охотник сел у огня, положив руку на рукоять ножа, и взгляделся в темноту за дверью мельницы.

Лес шумел, но в нем больше не было слышно ни рычания, ни тяжелых шагов. Только ветер, дождь и треск дров в печи. На эту ночь лес больше не таил угроз.

Утро выдалось ясным и прохладным. Роса блестела на траве, а воздух был чист после ночного дождя. Элоиза, Орин и Лиам, который теперь мог опираться на самодельную трость, отправились к месту происшествия — к повороту у Черного ручья.

— Вот здесь, — Лиам указал на глубокую колею, резко сворачивающую в сторону обрыва. — Повозка шла вот так, потом лошадь вдруг встала на дыбы...

Орин присел на корточки, внимательно изучая землю:

— Следы копыт... Да, она явно испугалась чего-то. Смотри, Элоиза, видишь эти отпечатки?

Элоиза подошла ближе. На влажной земле отчетливо виднелись следы — не обычные звериные, а странные, напоминающие смесь волчьих и человеческих. Каждый отпечаток имел пять углублений от когтей, причем два центральных были заметно длиннее остальных.

— Никогда не видел ничего подобного, — пробормотал Орин, проводя пальцем по контуру следа. — Размер... примерно с мою ладонь, но более вытянутый. И посмотри на расстояние между шагами — оно слишком большое для волка.

Она наклонилась, вглядываясь внимательнее:

— Похоже, оно передвигалось на двух ногах. Видишь, как расположены следы? Не цепочка, а четкая парная последовательность.

Лиам поежился:

— Я же говорил — оно стояло прямо передо мной, возвышалось, как человек, но гораздо выше...

Орин поднялся, окинул взглядом окрестности:

— Давайте осмотрим место, где пропала лошадь.

Они спустились по осыпающейся насыпи к подножию обрыва. Здесь следы чудовища были четче, а рядом виднелись отпечатки копыт — лошадь явно тащила волоком. Следы вели в чашу, к густой роще старых дубов.

— Осторожно, — предупредил Орин, доставая нож. — Если тварь все еще там...

Продвигаясь вглубь леса, они вскоре наткнулись на остатки повозки — колеса были разбиты, ящик с медом разломан, и сладкий аромат меда смешивался с запахом лесной сырости.

— Смотрите! — Элоиза указала на ствол дерева.

На коре были глубокие царапины — не случайные, а будто кто-то в ярости ударил когтями. Она провела пальцами по отметинам:

— Дровесина свежая... Это произошло совсем недавно.

Лиам побледнел:

— Значит, оно все еще где-то рядом?

Лицо охотника стало серьезным:

— Возможно. Но почему оно напало? Лошадей обычно не трогают без причины.

Элоиза задумалась, потом достала из мешочка щепотку сушеной полыни, растерла в пальцах и поднесла к царапинам на дереве. Аромат травы усилился.

— Интересно... — пробормотала она. — Запах полыни вызывает у нечисти отвращение. А здесь... он как будто смешивается с чем-то еще.

Женщина прикрыла глаза, сосредоточилась и прошептала короткий наговор. На мгновение воздух вокруг задрожал, и перед ними возникло слабое мерцание — силуэт огромного существа с горящими желтыми глазами. Призрак сделал шаг вперед, зарычал — звук был таким же, как описывал Лиам: смесь рычания и жутковатого смеха. Затем видение растаяло.

— Это не просто зверь, — тихо сказала она. — Это страж-мрачник. Искривленный дух-хранитель, который когда-то защищал лес от тех, кто наносил ему вред. Но теперь он не различает — нападает на всех.

Орин нахмурился:

— Почему же он напал на Лиам? Парень не сделал лесу ничего плохого.

Элоиза указала на остатки разбитых банок с медом, липкие пятна на траве:

— Мед для стража-мрачника — символ того, что люди умеют жить в гармонии с природой: собирают дары бережно, чтут законы леса. Но он видит и другое: как вырубают деревья, жгут костры без разрешения духов, убивают зверей ради забавы. Мед стал для него напоминанием о нарушенном равновесии. Эта память разъедает его, превращая в чудовище.

Лиам нервно сглотнул:

— То есть он... обиделся на мед?

— Не на мед, — поправила она, — а на то, что он символизирует. Для него это как насмешка: «Смотри, мы берем твое, но делаем это красиво». А он уже не помнит, что когда-то именно за это и защищал людей — за уважение. Теперь же любая связь с целительством, с благодарностью природе вызывает в нем ярость.

Орин задумчиво потер подбородок:

— Значит, чтобы его успокоить, нужно не просто отпугнуть, а напомнить ему о его истинной сути?

Элоиза кивнула:

— Именно. Я могу попробовать провести обряд — не изгнания, а возвращения памяти. Но для этого нам понадобится кое-что еще, кроме полыни и соли.

Элоиза выбрала небольшую поляну у Черного ручья. Там земля еще хранила отголоски страха, но уже не было острой угрозы. Орин помог расчистить пространство и очертить защитный круг. Охотник выложил камни по периметру, расположив их в форме древнего символа — сплетенных ветвей. Элоиза рассыпала по линии смесь трав и прошептала короткий наговор, от которого воздух слегка задрожал.

Лиам стоял чуть в стороне, сжимая в руках баночку с медом. Его глаза были широко раскрыты — он впервые видел, как магия творится наяву.

— Нам нужно создать мост между прошлым и настоящим, — тихо объяснила Элоиза. — Показать стражу-мрачнику, что люди все еще могут жить в гармонии с лесом.

В центре круга она поставила баночку с медом, рядом положила пучок зверобоя и ромашку. Рядом зажгла три свечи — белую, зеленую и коричневую (символ человека, леса и земли).

Элоиза встала в центре, выдохнула и начала нараспев произносить слова древнего наговора, который учила еще от матери. Голос ее, тихий и ровный, наполнил поляну:

Дух забытый, дух туманный,
Слушай голос, голос странный:
Мед не лжет, не несет беду,
Он — связующая нить в кругу.

Ты был стражем, хранителем чаши,
От беды берег тропы и пастбища.
Гнев отпусти, вспомни свет,
Где любви и мира след.

Лес дышит — зовет домой,
Стань опять самим собой.
Не враг тебе человек и зверь,
Ты — хранитель, отныне и впредь!

Лиам, по знаку Элоизы, аккуратно открыл баночку с медом и капнул несколько капель на землю в центре круга. Сладкий аромат разнесся по поляне.

Элоиза подняла руку, капля меда скатилась по ладони. Она выдохнула — и воздух замер... Ветер стих, птицы перестали петь, даже капли росы на траве перестали стекать вниз.

А потом воздух в центре круга задрожал, сгустился — и из него выступил силуэт стражамрачника. Но теперь он выглядел иначе: шерсть больше не казалась грязной и свалявшейся, а глаза, хотя и оставались желтыми, уже не пылали яростью — в глубине взгляда застыла усталость.

Существо медленно подошло и принюхалось к меду. Затем оно подняло взгляд на Элоизу — и в этом взгляде было что-то новое: не ярость, а глубокая, вековая усталость.

Дух сделал шаг вперед, и Элоиза вдруг увидела, что шерсть его не просто серая. Она когда-то была серебристой, как иней, но теперь потускнела от времени и горечи. Глаза, хоть и оставались желтыми, больше не пылали. В них мерцал слабый свет, словно угасающий костер.

— Ты помнил? — тихо спросила женщина.

Существо медленно качнуло головой. Оно отступило, фигура начала растворяться, становясь прозрачнее. Перед тем как исчезнуть окончательно, дух издал звук. Не рычание, а низкий, протяжный вздох, похожий на благодарность.

Земля едва заметно дрогнула под ногами. В тот же миг на поляне распустились цветы, которых здесь раньше не было — маленькие белые колокольчики с золотистыми сердцевинами.

Когда дух почти исчез, Элоиза уловила отголосок его памяти — короткий образ: древний лес, высокие деревья, а под ними — фигура в плаще, протягивающая руку к маленькому медвежонку. Рядом стояли люди с корзинами меда, склонив головы в знак уважения.

«Когда-то он защищал тех, кто чтит лес», — поняла Элоиза. — «А потом забыл, кто он есть».

— Он ушел? — шепотом спросил Лиам.

— Не ушел, — улыбнулась она. — Он вернулся к своей истинной сути. Теперь он снова будет охранять лес от тех, кто несет ему вред.

Орин с восхищением посмотрел на Элоизу:

— Ты не просто отпугнула чудовище. Ты исцелила его.

Лиам, все еще сжимая в руках пустую баночку, выдохнул с облегчением:

— Получается, он больше не нападет на людей?

— Если они будут уважать лес, — кивнула Элоиза. — Страж-мрачник теперь помнит свое предназначение. Он станет защищать тех, кто живет в гармонии с природой, и противостоять тем, кто наносит ей вред.

Охотник хлопнул юношу по плечу:

— Видишь, Лиам? Иногда победа — это не удар мечом, а слово, сказанное вовремя, или капля меда, положенная с уважением.

Юноша улыбнулся, впервые за долгое время почувствовав настоящую радость:

— Значит, я могу вернуться домой и рассказать отцу, что не только потерял мед, но и помог спасти лес?

— Именно так, — подтвердила Элоиза. — И твой поступок станет уроком для всех в деревне: даже маленький дар может изменить многое, если он идет от чистого сердца.

Они собрали вещи и двинулись обратно к дороге. Лиам теперь шел увереннее, опираясь на трость, которую смастерил Орин из крепкой ветки.

— Знаете, — заговорил юноша спустя некоторое время, — когда я полз по лесу, мне казалось, что все потеряно. Что я подвел отца, что никогда не стану настоящим пасечником... А теперь понимаю: настоящее испытание было не в том, чтобы доставить мед, а в том, чтобы понять его значение.

Орин одобрительно хмыкнул:

— Мудрые слова для такого молодого парня. Твой отец будет гордиться тобой.

Элоиза улыбнулась:

— Иногда путь к мудрости лежит через страх и ошибки. Главное — найти в себе силы подняться после падения.

Путники шли по узкой тропе. Высокие ели смыкались над головой. Солнечные лучи пробивались сквозь ветви, рисуя на земле причудливые узоры. Орин внимательно осматривал землю в поисках следов, Элоиза срывала листья душицы, а Лиам, опираясь на трость, вдруг снова рассмеялся.

Орин обернулся:

— Опять какая-то история на уме, Лиам? Вижу по глазам — сейчас расскажешь что-нибудь эдакое.

Лиам загадочно улыбнулся:

— Да, есть одна! Про нашего пекаря, дядю Маркела. Тот еще чудак, скажу я вам, да еще и любитель всяких диковин.

Элоиза присела на пень:

— О, пекарь — это всегда интересно. Особенно если речь о хлебе. Рассказывай!

— Дело было зимой, в самый канун Зимнего праздника, — начал свой рассказ юноша. — Все в деревне готовились: украшали дома, варили медовуху, пекли пироги. Дядя Маркел, понятное дело, был нарасхват — ему заказали столько хлеба и булочек, что он три дня не выходил из пекарни.

Орин усмехнулся:

— Представляю. Небось, спал у печи, как медведь в берлоге.

Лиам продолжил, смеясь:

— Почти! Но самое смешное началось в ночь перед праздником. Маркел решил испечь особый каравай — огромный, с медом и орехами, для всего села. И не просто так, а с редким ингредиентом! Откуда-то раздобыл щепотку «весенней росы» — говорят, ее собирают только в полнолуние на опушке зачарованного леса.

Элоиза заинтересованно приподняла брови:

— «Весенняя роса»? Я слышала о ней — она придает еде особую силу и вкус. Но ее почти не достать...

— Вот именно! — быстро ответил Лиам. — Маркел решил, что если добавить ее в каравай, тот станет не просто хлебом, а символом праздника. Замесил тесто, всыпал щепотку росы, поставил в печь... А сам, уставший, присел на стул да и задремал.

Орин уже с любопытством спросил:

— И что же случилось?

Лиам:

— Просыпается он от дикого шума и яркого света! Открывает глаза — а в пекарне полно народу: соседи, дети, даже староста пришел. Все стоят и смотрят на печь, а из нее валит не обычный дым, а разноцветный — синий, розовый, золотистый! И блески, словно искорки фейерверка, кружатся в воздухе.

Элоиза, широко раскрыв глаза, прошептала:

— Магия «весенней росы» пробудилась при перегреве!

Лиам, кивая и хохоча, ответил:

— Именно! Печь раскалилась докрасна, каравай превратился в угольки, а магия, которая должна была сделать его волшебным, вырвалась наружу. Дым поднимался над деревней, как праздничный салют, блески осыпались на крыши — дети визжали от восторга, кричали: «Чудо! Чудо!»

— Ну и ну! Маркел, небось, перепугался? — расхохотался Орин.

— Он выскочил на порог, весь в муке, с лопатой для хлеба, и заорал: «Не надо воды! Это не пожар, это шедевр... немного вышел из-под контроля!» — сквозь смех сказал юноша.

Все трое громко расхохотались.

— И что дальше? — спросил охотник.

Лиам продолжил рассказ:

— Дальше — самое смешное. Староста, вместо того чтобы отругать Маркела, хлопнул его по плечу и говорит: «Раз уж так вышло, пеки новый каравай, а мы пока медовухи выпьем да посмотрим на волшебные блески!» В итоге праздник удался на славу: Маркел испек свежий хлеб к утру, а разноцветные блески еще три дня мерцали на снегу, напоминая всем о «волшебном каравае».

Элоиза, вставая и отряхивая платье, произнесла:

— Вот это история! Теперь понятно, почему в вашей деревне так любят дядю Маркела.

— Еще бы! — весело ответил Лиам. — Он потом даже табличку над печью повесил: «Осторожно: шедевры могут устроить фейерверк!»

Орин хлопнул юношу по плечу:

— Молодец, Лиам, поднял настроение. Теперь идти будет веселее.

Юноша улыбнулся и бодро зашагал вперед, уже придумывая, какую еще забавную историю рассказать своим спутникам.

К вечеру третьего дня деревня начала редеть. Путники вышли на широкую дорогу, ведущую к воротам Веридики. Город уже виднелся впереди: его крыши, башни и дымы очагов поднимались над лесом.

— Вот мы и добрались, — сказал Орин, потягиваясь.

Веридика предстала перед путниками во всем величии. Высокие каменные стены, увенчанные зубцами, окружали город. Массивные дубовые ворота, окованные железом, охранялись двумя стражниками. На шлемах воинов мерцали последние лучи солнца. Один из стражников, с густой рыжей бородой, лениво опирался на алебарду. Другой — молодой, с веснушчатым лицом — внимательно разглядывал приближающихся путников.

За воротами раскинулась запутанная сеть улочек. Узкие мощеные переулки вились между домами разной высоты. Первые этажи занимали лавки и мастерские с яркими вывесками; верхние этажи — жилые помещения с резными балконами, украшенными цветами в глиняных горшках. Кое-где виднелись двухэтажные каменные дома зажиточных горожан с черепичными крышами. Вдали, на холме, возвышался собор с позолоченным куполом и высокая Центральная башня Времени.

Воздух Веридики был насыщен ароматами. Запах свежесдобитого хлеба смешивался с пряными нотами специй, сладковатым ароматом меда и воска, легким дымком от очагов... Люди спешили по своим делам. Торговцы в ярких кафтанах громко зазывали покупателей. Мастерские в фартуках несли инструменты. Дети бегали между прилавками, смеясь и перекликаясь. Дамы в пышных юбках и кружевных чепцах прогуливались под руку с кавалерами.

Орин окинул взглядом оживленную картину и повернулся к спутникам:

— Ну что, ребята, здесь мы и расстанемся. Лиам, ты останешься здесь или пойдешь дальше?

— Останусь, — решил юноша. — Нужно сообщить отцу, что я жив, и придумать, как возместить потерянный мед. Может, староста даст мне работу на время.

— Знаешь, Лиам, я тоже останусь в Веридике на пару дней. У меня полный мешок отличных шкур — надо сдать их в меховую лавку старого Боррика. Да и, раз уж так вышло, подожду, пока твои родные приедут за тобой. Негоже мальчишке одному разбираться со всеми бедами после такого испытания.

Лиам просиял:

— Правда? Спасибо, господин Орин!

Элоиза достала из сумки небольшой мешочек с травами:

— Возьми. Здесь ромашка, мята и немного тысячелистника. Если заваривать по щепотке, поможет от усталости и тревоги. И... береги себя.

Лиам покраснел от смущения:

— Спасибо... Большое спасибо вам обоим. Я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

Орин добродушно усмехнулся:

— Да ладно тебе, парень. Просто так вышло, что судьба свела нас в нужный момент. А теперь — иди, найди нам место на постоялом дворе. Завтра я помогу тебе написать письмо отцу, и мы отправим его с первым же гонцом.

Элоиза мягко улыбнулась:

— И помни: если когда-нибудь снова столкнешься с чем-то странным или опасным, не бойся искать помощи. Мир не так одинок, как кажется в час беды.

Лиам кивнул, сжимая в руке мешочек с травами:

— Я запомню. И... спасибо, что научили меня видеть больше, чем просто мед или лес.

— Верно, — подтвердила Элоиза. — И эта связь — то, что делает нас сильнее.

Орин похлопал юношу по плечу:

— Ну, иди. Я помогу Элоизе устроиться и вернусь.

— Хорошо! — Лиам выпрямился, впервые за долгое время чувствуя себя по-настоящему взрослым.

Он развернулся и зашагал к воротам города, то и дело оглядываясь и махая рукой. Орин и Элоиза смотрели ему вслед, пока фигура юноши не смешалась с пестрой толпой на улице.

Когда Лиам скрылся из виду, охотник повернулся к травнице:

— Знаешь, Лои... Это было что-то особенное. Не просто приключение — урок. Для всех нас.

Элоиза задумчиво кивнула:

— Да. Иногда, чтобы исцелить лес, нужно сначала исцелить чью-то душу. Лиам теперь тоже это знает.

— И в том, чтобы рядом оказались те, кто поможет встать на ноги, — добавил Орин. — Пойдем, найдем тебе ночлег. Завтра будет новый день — и новые дела.

Они двинулись вдоль городской стены, выбирая дорогу к ближайшей гостинице. Солнце уже почти скрылось за крышами домов, отбрасывая длинные тени. В воздухе витал запах печеного хлеба, свежей выпечки и далекого моря. Город жил своей жизнью — шумной, яркой, полной надежд.

Элоиза вдохнула глубже:

— Веридика... Здесь так много энергии. Словно каждый камень помнит сотни историй.

— А мы только что добавили к ним одну, — усмехнулся Орин. — Интересно, будут ли ее рассказывать через годы? Про пасечника, охотника и травницу, которые исцелили дух леса...

— Может, и будут, — улыбнулась Элоиза. — Главное, чтобы история дошла до Лиама и его отца. Чтобы они знали: мед — это не просто сладость. Это связь.

Охотник кивнул:

— Связь, которую стоит беречь. Пойдем. Ночь скоро, а завтра нас всех ждет много дел.

Они свернули в узкий переулок, ведущий к вывеске с изображением золотого колоса — знаку одной из лучших гостиниц Веридики. Ветер донес до них смех детей, звон колокола и далекие звуки уличного музыканта. Город принимал новых гостей, обещая им отдых и новые возможности.

Глава 4.

Элоиза выбрала небольшую таверну «У старого дуба». Вывеска с изображением раскидистого дерева висела над деревянной дверью в тихом переулке недалеко от городских ворот.

Хозяйкой оказалась дородная женщина лет сорока пяти с добрым лицом и живыми карими глазами. Седые волосы были убраны под белоснежный чепец, а на поясе висели связка ключей и ложка для размешивания похлебки.

— Добро пожаловать, милая! — приветствовала она гостью. — У нас чисто, сытно и недорого. Что желаете: ужин и комнату на ночь?

— Да, пожалуйста, — устало улыбнулась Элоиза.

Марта подмигнула:

— А я сразу вижу — вы не простая путница. Глаза у вас... внимательные, как у тех, кто умеет слушать мир. Не травница ли часом?

Элоиза слегка удивилась:

— Да, я травница и целительница. Но как вы догадались?

Марта рассмеялась, и морщинки вокруг ее глаз собрались в веселые лучики:

— Двадцать лет держу таверну — всякого навидалась. У травников взгляд особый: они не просто смотрят, а подмечают. Да и запах у тебя характерный — зверобой, ромашка, еще что-то...

Она хлопнула в ладоши:

— Сейчас подам наш фирменный ужин: жаркое из кролика с картошкой и грибами, свежий хлеб, сыр и малиновый морс. А после покажу комнату. И знаете что? За травницу — скидка. Люблю людей, которые с природой на «ты».

Ужин оказался восхитительным. Мясо таяло во рту, картошка была рассыпчатой, а грибы придавали блюду особый лесной аромат. Элоиза ела медленно, наслаждаясь теплом очага и уютом заведения. Вокруг шумели другие посетители: купцы обсуждали сделки, ремесленники делились новостями, странники обменивались дорожными историями.

После ужина хозяйка повела гостью вверх по скрипучей деревянной лестнице:

— Вот ваша комната, милая. Не дворец, конечно, но чисто и тепло.

Комната была небольшой, но очень уютной. В центре стояла широкая кровать с пуховым матрасом и льняным бельем — сразу хотелось прилечь. У стены примостился старинный сундук, на столике — кувшин с прохладной водой и стакан. На полке ждали своего часа потрепанные книги о дальних странствиях и волшебных сказках. Тяжелые занавески скрывали шумную таверну за окном. Зажженная Мартой лампа разливала мягкий, теплый свет.

— Если что понадобится — зовите, — сказала хозяйка. — Утром подам завтрак: кашу с медом, творог и чай с мятой. Доброй ночи, милая.

— Доброй ночи и спасибо, — поблагодарила Элоиза.

Оставшись одна, она приблизилась к окну, приоткрыла занавеску и посмотрела на вечерний город. Вдали, на холме, мерцали огни собора, а внизу, на улицах, еще сновали запоздалые прохожие. Она глубоко вдохнула — усталость дня отступала. Завтра новый день, новый этап пути к «Сумеречному саду». Но сейчас можно просто отдохнуть и насладиться теплом и покоем.

Элоиза уснула быстро — усталость от долгого пути взяла свое. Теплая постель, приглушенный гул голосов из зала внизу и аромат сухих трав, развешанных хозяйкой по углам, действовали успокаивающе.

Но около полуночи ее разбудил странный звук — не просто шум, а будто бы треск статического электричества, сопровождаемый слабым голубоватым свечением под дверью. Гостья

села на кровати, прислушалась. Свечение усилилось, пробиваясь сквозь щели, а затем раздался испуганный крик Марты.

Элоиза вскочила, накинула плащ и выбежала в коридор. Воздух вокруг хозяйки таверны мерцал серебристыми искрами. Посуда на полках дрожала и позванивала, будто от невидимой вибрации. Лампы мерцали, то разгораясь ярче, то почти затухая. По полу скользили причудливые тени, напоминающие танцующих существ.

— Марта! — Элоиза подбежала к хозяйке, которая стояла у лестницы, прижавшись к стене, в глазах застыл ужас. — Что случилось?

— Я... я вышла проверить, все ли в порядке внизу, — дрожащим голосом ответила Марта. — А потом вдруг это... эти огни, этот гул... Что это, дитя? Колдовство?

Травница внимательно осмотрела пространство. Она почувствовала слабый, но отчетливый поток магической энергии — он исходил откуда-то из подвала.

— Не знаю точно, — сказала она, стараясь говорить спокойно. — Но это что-то волшебное. И оно не злое — скорее беспокойное, неуравновешенное.

Она прикрыла веки, сосредоточилась и прошептала заклинание очищения, которое учила еще в детстве. Из ее ладоней полился мягкий золотистый свет, окутывая помещение и рассеивая серебристые искры. Вибрация утихла, лампы перестали мерцать, тени исчезли.

— Что ты сделала? — прошептала Марта, все еще дрожа.

— Успокоила энергию, — объяснила Элоиза. — Похоже, в подвале таверны есть какой-то древний артефакт или источник силы. Возможно, он проснулся из-за какого-то внешнего воздействия — например, фазы луны или геомагнитного возмущения.

Хозяйка вздохнула с облегчением:

— Спасибо тебе, милая. Я бы со страху умерла, если бы не ты.

— Давайте проверим подвал, — предложила травница. — Я попробую локализовать источник и стабилизировать его, чтобы такое больше не повторилось.

В подвале они обнаружили старый каменный кувшин, покрытый выцветшими рунами. Он стоял на полке среди прочих хозяйственных вещей, видимо, много лет оставаясь незамеченным.

— Вот он, — указала Элоиза. — Видели эти знаки? Это древний защитный символ. Видимо, когда-то кувшин использовали для хранения чего-то необычного.

Травница осторожно провела над ним руками, шепча слова успокоения. Руны слабо засветились в ответ и затем погасли.

— Теперь он снова спит, — улыбнулась Элоиза. — Но лучше поставить его в более укромное место, подальше от оживленных помещений.

Дородная женщина благодарно сжала ее руку:

— Оставайся у нас подольше, прошу. Кормить буду от души, да и поговорить есть о чем — ты столько знаешь!

— Увы, я не могу задерживаться, — покачала головой Элоиза. — Меня ждет путь к «Сумеречному саду».

Марта замерла — глаза расширились:

— К «Сумеречному саду»? Так это ведь... — она понизила голос. — Говорят, там когда-то жила одна ведьма — Софена. Могущественная, но странная. Я была девчонкой, когда она исчезла из города. Люди шептались, что она не просто уехала, а... ушла в иное место. Что ее дом — не просто дом, а дверь.

Элоиза насторожилась:

— Дверь куда?

Хозяйка таверны пожала плечами:

— Кто знает? Может, в мир духов. Может, в хранилище древних знаний. Но одно точно: те, кто пытался туда проникнуть без приглашения, возвращались... не такими, как прежде. Или не возвращались вовсе.

Она вздохнула:

— Прости, милая, не хотела пугать. Просто... этот кувшин. — Она украдкой указала на артефакт. — Я нашла его лет двадцать назад, когда перестилала пол в подвале. На нем были те же руны, что на печати твоего письма. — Она указала на конверт с печатью «Корней и рун», который Элоиза оставила на столе. — Я тогда не придавала значения, а теперь вот... странное совпадение, правда?

— Ты думаешь, кувшин как-то связан с Софеной? — тихо спросила Элоиза.

Марта наклонилась ближе, почти шепотом:

— Не просто связан. Я слышала, что Софена перед уходом раздала часть своих артефактов по городу — «чтобы корни не теряли связь с ветвями», так она сказала. Может, этот кувшин — один из них? Хранил силу, оберегал мою таверну, пока что-то не пробудило его... или пока ты не появилась.

Хозяйка улыбнулась:

— Ты добрая душа. Пусть дорога будет легкой.

Рассвет окрасил крыши Веридики в нежно-розовый цвет. Элоиза спустилась в общий зал, где Марта уже хлопотала у печи. Увидев гостью, хозяйка тепло улыбнулась:

— Доброе утро, спасительница! Как спалось?

— Хорошо, спасибо, — ответила травница. — А вы как себя чувствуете?

— Гораздо лучше, — Марта поставила перед ней миску горячей овсянки с медом и ягодами и чашку душистого чая. — Ты сотворила чудо вчера.

После завтрака Элоиза собрала вещи. Хозяйка вручила ей сверток:

— Возьми, в дороге пригодится.

— Благодарю вас, — травница обняла хозяйку. — За все: за ночлег, за ужин, за доброту.

— Возвращайся, когда сможешь, — сказала Марта. — Для тебя всегда найдется место и кусок хлеба.

Выйдя за ворота Веридики, Элоиза остановилась на мгновение, оглядываясь на город. Дымы очагов поднимались в ясное небо, на улицах уже кипела жизнь: торговцы раскладывали товары, дети бежали в школу, ремесленники открывали мастерские.

Дорога к Вель Тарину петляла среди холмов и роц. Воздух был свеж, пахло влажной землей и цветущими кустарниками. Элоиза шла неторопливо, наслаждаясь тишиной и красотой природы. Время от времени она останавливалась, чтобы отдохнуть или сорвать целебный цветок для пополнения запасов. Иногда она замечала следы зверей на мягкой земле или слышала пение редких птиц.

За очередным поворотом тропы травница услышала лай собак и громкие голоса. Она остановилась и прислушалась. Лай приближался — кто-то явно гнал зверя в ее сторону.

Из перелеска на тропу выскочил маленький волчонок. Он замер на мгновение, испуганно озираясь, а за ним показали два пастушьих пса и двое пастухов с длинными посохами.

— Вот он! Держи! — крикнул один из пастухов.

Псы бросились к волчонку. Тот в панике метнулся в сторону, но один из псов настиг его и схватил за загривок. В этот момент Элоиза заметила, что на шее волчонка блеснуло что-то металлическое.

— Стойте! — громко крикнула она, выходя вперед. — Не трогайте его!

Пастухи остановились, удивленно глядя на незнакомку.

— Да ты глянь, это же волчонок! — возмутился старший мужчина с рыжеватой бородой. — Он вчера наших ягнят пугал, все стадо разбежалось!

— И штука на нем какая-то странная, — добавил младший, щуплый парень с веснушками. — Видал? Блестит, будто колдовская.

Элоиза подошла ближе, осторожно протянув руку к волчонку. Пес отпустил его, послушно отступив по команде хозяина. Травница присмотрелась: предмет на шее зверя действительно был необычным — тонкие серебряные звенья с выгравированными рунами слабо пульсировали голубоватым светом.

— Это магический ошейник, — тихо сказала она. — Он подавляет волю и причиняет боль. Видите, как руны светятся?

— Мы его не надевали, — оправдывались оба пастуха. — Нашли волчонка в лесу неподалеку, думали, может, чей-то сбежавший пес...

В этот момент из перелеска донесся низкий предупреждающий рык. На опушке появилась волчица — мать волчонка. Она прижала уши к голове, глаза горели тревогой.

Элоиза залюбовалась ее окрасом: мех переливался оттенками серебра с едва заметными голубоватыми бликами. По спине шла темная полоса, напоминающая Млечный Путь, а кончики ушей отливали жемчужным блеском. Волчонок унаследовал редкую расцветку: в его пушистой шерстке уже угадывались серебристо-голубые тона.

«Не просто волчица, — мелькнуло в голове у травницы. — В ней чувствуется древняя магия...» Она присмотрелась внимательнее, используя свое чутье. И действительно: вокруг волчицы витала едва уловимая аура — словно мерцание морозного воздуха в лунную ночь. От нее исходило слабое голубоватое свечение, заметное лишь при пристальном взгляде. Когда волчица сделала шаг вперед, под ее лапами замерцали крошечные искорки, тут же растаявшие в траве.

— Посмотрите на ее шерсть... — тихо сказала Элоиза, обращаясь к пастухам. — Видите, как она мерцает? И узоры на спине... Это не случайность. Перед нами не обычная волчица, а хранительница древнего рода, в котором передается магия лунного света.

Старший пастух охнул:

— Так вот почему на волчонка ошейник надели!

— Именно, — подтвердила Элоиза. — Кто-то охотится за магическими существами. Вероятно, эти люди хотели поймать детеныша, чтобы через него выйти на мать — ее сила куда мощнее. Возможно, планировали подчинить волчью стаю своей воле или использовать их магию для каких-то темных ритуалов.

Младший пастух побледнел:

— Мы и не подозревали... Просто увидели ошейник и решили, что это чья-то потерявшаяся собака.

— Я помогу снять ошейник, — сказала Элоиза. — А вы лучше в следующий раз сначала разберитесь, кто перед вами.

Она опустила на колени рядом с волчонком, который дрожал, но не сопротивлялся. Осторожно провела пальцами по холодным звеньям, прошептала заклинание распознавания. Руны на магическом украшении вспыхнули ярче, затем погасли. Элоиза нащупала скрытый замок и аккуратно расстегнула его.

— Все, малыш, — мягко сказала она, снимая ошейник. — Теперь можешь идти к маме.

Волчонок, едва освободившись, бросился к матери. Волчица тем временем не сводила взгляда с травницы. В ее глазах читалось не только беспокойство за детеныша, но и осознание, что эта женщина видит больше, чем обычные люди. Она сделала еще шаг вперед, опустила голову, и на мгновение Элоиза уловила отзвук мысли — не слова, а образ: лес, полная луна, стая, идущая сквозь туман.

— Она благодарит тебя, — прошептал младший пастух, который, похоже, тоже что-то почувствовал.

Элоиза мягко улыбнулась волчице:

— Я лишь вернула твое дитя. Береги его. И будьте осторожны: те, кто надел этот ошейник, могут вернуться.

Волчица издала протяжный звук, напоминающий мелодичный вой. Махнула хвостом, подзывая волчонка. Тот подбежал к ней, прижался боком. Мать лизнула его в ухо, и они вместе сделали несколько шагов в сторону леса.

Вдруг волчица остановилась, обернулась и посмотрела прямо в глаза Элоизе. В ее взгляде была глубокая благодарность и что-то еще — признание: волчица увидела в травнице союзника. Медленно, почти ритуально, она наклонила голову — один раз, четко и осознанно. Затем коснулась носом земли перед Элоизой, оставив на траве мерцающую каплю серебристой росы.

— Она дает знак, — прошептали пастухи, широко раскрыв глаза. — Так волки отмечают тех, кого считают друзьями.

Лои осторожно подняла каплю: та оказалась теплой и пульсировала слабым светом.

— Спасибо, — тихо сказала она волчице.

Животное в ответ издало короткий, мягкий звук, напоминающий мурлыканье, и скрылось в чаще вместе с волчонком. Лишь мерцающие искорки на траве еще несколько мгновений напоминали о них.

— Спасибо, что не дали нам натворить бед, — искренне сказал младший пастух.

— Да, — согласился старший. — Мы впредь будем осмотрительнее.

— Просто помните: не все, что кажется опасным, действительно таково, — улыбнулась Элоиза. — И не всякая магия — зло. Иногда она просто требует понимания.

Пастухи направились к стадам. А Элоиза еще немного постояла на тропе, глядя вслед исчезнувшей стае. В руке все еще чувствовалась легкая пульсация серебристой капли — словно обещание: «Мы рядом».

Она спрятала каплю в маленький кожаный мешочек на шее, рядом с другими талисманами. Затем подняла с земли магический ошейник. Руны на нем снова слабо засветились, будто напоминающая о той силе, которую пытались подчинить.

— Надо быть начеку, — тихо сказала она себе. — Если кто-то охотится на таких существ, значит, где-то рядом действуют темные маги. И Вель Тарин может стать следующим местом их поисков...

Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая холмы в золотисто-розовые тона. Вдалеке проступили контуры Вель Тарина. Город манил ее, обещая отдых и новые открытия. Путешественница поправила ношу на плече и ускорила шаг. Но теперь она шла не одна. Где-то в лесу за ней наблюдали два мерцающих глаза — волчица и волчонок следили за ней, готовые прийти на помощь, если потребуется.

К закату Элоиза наконец достигла Вель Тарина. Город расположился на холме у реки Туманов. За спиной грозно высились пики Хребта Ветреных Зубцов. Вершины пронзали небо, а между скалистыми ущельями бушевали вихри.

Вель Тарин часто накрывали туманы — густые, плотные. Они стелились по улицам, окутывали дома и мосты, скрывая очертания на расстоянии нескольких шагов. Из-за этого все вокруг приобретало мягкие, размытые формы. Цвета казались чуть приглушенными — серо-зелеными, дымчато-синими, серебристо-серыми.

Высокие серые стены, увитые плющом, окружали Вель Тарин. Над башнями развевались флаги с изображением дуба — символа города. Ворота были открыты, и путница вошла внутрь.

Ее поразила особая атмосфера. Запахи речной свежести, влажной земли после тумана, свежей выпечки, специй и древесной смолы смешивались в неповторимый аромат. Улицы были широкими, вымощенными булыжником, с аккуратными стоками для дождевой воды.

Элоиза медленно шла по мостовой, разглядывая город. По обеим сторонам выстроились трехэтажные дома с узкими окнами и крутыми крышами. Фасады украшали резные ставни, кованые фонари. На первых этажах располагались лавки. Из пекарни доносился запах горячего хлеба; у мастерской сапожника громоздились стопки кожаных заготовок; а в окне аптеки красовались пучки сушеных трав и разноцветные склянки.

По улицам сновали горожане: торговки с корзинами овощей, мастеровые с инструментами, дети с учебными табличками. Время от времени дорогу пересекали крытые повозки или всадники в дорожных плащах. Элоиза невольно улыбнулась: жизнь здесь текла размеренно, но оживленно — как ручей, который петляет между камней, не теряя силы.

Она свернула на площадь, где расположился рынок. Ряды лотков манили разнообразием: румяные яблоки и груши, связки лука и чеснока, пучки зелени, корзины с рыбой, куски сыра в восковой оболочке. В центре площади возвышался каменный фонтан с фигурой древнего стража, держащего в руке факел.

— Свежая малина, всего два медяка за чашку! — окликнула торговка в переднике, заметив заинтересованный взгляд Элоизы.

— Добрый вечер. И правда, хороша, — улыбнулась травница, доставая монету. — Простите, не подскажете, где найти нотариальный дом «Корни и Руны»?

Торговка кивнула в сторону узкой улочки за фонтаном:

— Вон там, на улице Шелковых Фонарей, милая. Идите прямо до площади с каменным фонтаном. От нее повернете налево. Третий дом по правой стороне — с резными перевитыми корнями над дверью. Ни с чем не спутаете, он там самый приметный, даже в такой туман.

— Благодарю, — Элоиза взяла чашку с малиной. — Вы очень помогли.

Она направилась к указанной улочке, по пути пробуя ягоды — сладкие, с легкой кислинкой.

Улица оказалась живописной, хотя туман скрадывал детали. Вдоль тротуаров росли цветущие кустарники. С фасадов домов свисали разноцветные фонарики — шелковые, стеклянные, медные. Они мягко светились в дымке, создавая причудливые блики на мокрой мостовой.

Дом «Корни и Руны» она узнала сразу: над входной дверью красовалась массивная деревянная резьба — могучие переплетенные корни. По бокам от двери стояли каменные вазоны с папоротниками. На пороге лежал коврик с вышитой надписью: «Входите с добрыми намерениями».

Наследница постучала. Дверь почти сразу открылась, и на пороге появился пожилой мужчина в темно-зеленом камзоле. У него были седые волосы, умные глаза за очками в тонкой оправе и легкая улыбка.

— Добрый вечер, — вежливо произнес он. — Я Альрик Риверс, управляющий нотариальным домом «Корни и Руны». Чем могу помочь?

— Здравствуйте, — гостья слегка поклонилась. — Меня зовут Элоиза. Я прибыла по делу, связанному с наследием Софены. Мне сказали, что здесь хранятся документы, касающиеся «Сумеречного Сада».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.